

Полученные относительные и абсолютные датировки полностью совпали с хронологией этого периода, предложенной Ж. Рикмансом³¹ и Г. Виссманом³² на основании совершенно иных критериев и иного материала, без использования датировок по эпонимам. На наш взгляд, именно этот факт является наилучшим подтверждением правильности предложенной нами системы сабейского эпонимата.

А. Г. Лундин

THE DISCUSSION OVER THE SABAEAN EPONYMATE

(an answer to G. M. Bauer)

by A. G. Lundin

G. M. Bauer's article «Some Problems of the Eponymate in Ancient South Arabia» (VDI, 1967, 2) is controversial in character. It abounds in inaccuracies and errors in representing the views of its author's opponent, so that the latter's position is systematically distorted. In pressing his arguments Bauer often passes over in silence known facts which conflict with his position. All this makes discussion useless and compels the author of the present article to limit his answer to criticism of method.

Bauer's position is the purely negative one of denying the validity of his opponent's conclusions without advancing in their place any other solution to the problem of the Sabaeon eponymate. The interpretations he offers on individual points are inadequately argued, mutually contradictory and unconvincing.

Bauer's article brings nothing new to the study of the Sabaeon eponymate, no new materials, no new solutions of problems now under dispute. It merely confuses the reader by its distortions of his opponent's position.

³¹ J. R u s k m a n s, La Chronologie des rois de Saba et d'ū-Raydān, Istanbul, 1964.

³² H. W i s s m a n n, Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien («Sammlung E. Glaser», III), Wien, 1964.

ПАВСАНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СПАРТЕ

Основным источником, повествующим о деятельности спартанского регента Павсания после Платейской битвы, является Фукидид (I, 94—95; 128—134). В изображении Фукидида Павсаний выступает как честолюбивый правитель, стремящийся захватить власть над Грецией и с этой целью вступивший в изменнический заговор с персами. Фукидид неоднократно отмечает также высокомерное и грубое обращение Павсания с союзниками.

Высокий авторитет Фукидида, как источника, обеспечил признание этих сведений такими выдающимися учеными, как Белох¹, Бузольт², Мейер³, Валькер⁴ и др. Нужно

¹ K. J. B e l o c h, Griechische Geschichte, II, 1, B., 1927, стр. 60 сл. и 141 сл.

² G. B u s o l t, Griechische Geschichte, III, 1, Gotha, 1897, стр. 64 слл.

³ E. M e y e r, Geschichte des Alterthums, III, Stuttg., 1912, стр. 486 слл.

⁴ САН, V, 1935, стр. 61 сл.

отметить, правда, что Белох⁵ высказал некоторые критические замечания по поводу рассказа Фукидида. Так, например, письма Павсания и Ксеркса он считал апокрифичными, а историю с аргильцем называл даже «более, чем детской», но в целом характеристику, данную Фукидидом Павсанию, он признавал. Иную позицию в этом вопросе занял Вольский⁶. По его мнению, сведения Фукидида не заслуживают доверия, так как происходят из враждебных Павсанию кругов, какими являлись спартанские эфоры и афинские политики.

В данной статье мы попытаемся показать, что сведения Фукидида о поведении спартанского регента, а также о его стремлении к власти над Грецией заслуживают доверия. В то же время обвинения Павсания в измене действительно приходится признать измышлением враждебных регенту кругов. Как будет показано ниже, осуждение Павсания не было следствием измены регента: гибель его последовала в результате поражения во внутриполитической борьбе в Спарте. Анализ рассказа Фукидида о судьбе Павсания целесообразнее всего начать с обвинения регента в гибрисе.

В экскурсе, посвященном истории усиления могущества афинян, Фукидид (I, 95, 1—4) сообщает, что во время командования эллинским флотом Павсаний своими насильственными действиями вызывал раздражение всех эллинов. Прибывавшие с войны эллины обвиняли его во многих несправедливостях, указывая, что командование его скорее оказывалось подражанием тирании. Вследствие этого лакедемоняне были вынуждены отозвать Павсания из Византии и предать суду.

В экскурсе, специально посвященном судьбе Павсания, Фукидид (I, 130) снова возвращается к этим обвинениям. Он указывает, что спартанский регент, находясь в Византии, окружил себя персидской роскошью. Доступ к себе он сделал затруднительным и относился ко всем без различия с таким раздражением, что никто не мог подступиться к нему. Такое поведение Павсания, как пишет Фукидид, и было главной причиной перехода союзников на сторону афинян.

Не останавливаясь на выяснении главных и второстепенных причин перехода к афинянам гегемонии в эллинском союзе, попытаемся разобраться, насколько достоверен рассказ Фукидида о поведении Павсания. Быть может, его нужно считать измышлением афинян, стремившихся захватить в свои руки командование эллинским флотом⁷.

Фукидид не указывает, из каких полисов были эллины, обвинявшие Павсания в тираническом обращении с союзниками. Но Плутарх отмечает, что Аристид и Кимон посылали сказать эфорам, чтобы они отозвали Павсания, по вине которого подвергается бесчестию Спарта и сеется смута в Греции (Plut., Cim. 6, 3). Источник Плутарха, а вместе с тем степень достоверности его сообщения в данном случае установить трудно. Несомненно, афиняне были заинтересованы в отстранении Павсания от командования флотом, поэтому вполне возможно, что они направляли в Спарту жалобы на Павсания. Однако это еще не может говорить о том, что известная Фукидиду традиция о поведении Павсания является измышлением афинян. Суд, последовавший над Павсанием, показывает, что в Спарте он также был признан виновным в нанесении обид некоторым лицам (Thuc., I, 95, 5). Решение суда нельзя признать пристрастным, так как по основным пунктам обвинения Павсаний был оправдан. Последовательно развивая идею Вольского, нужно было бы отнести к разряду измышлений афинян также сообщение Фукидида о первом процессе Павсания, вряд ли нужно заходить так далеко в обращении с его данными.

Сообщение Фукидида о поведении Павсания не стоит особняком в дошедших до нас источниках. Независимый от Фукидида и более подробный рассказ о своевольном поведении Павсания дает Плутарх в биографии Аристида (Arist., 23). Бузольт считает,

⁵ Beloch, ук. соч., II, 2, Strassburg, 1916, стр. 154 слл.

⁶ J. Wolski, Pausanias et le probleme de la politique spartiate (480—470), «Eos», 47, 1956, № 1, стр. 76 слл.

⁷ Именно так считает Вольский (ук. соч., стр. 84).

что источником Плутарха в данной главе был Эфор⁸. Если мнение Бузольта правильно, то степень достоверности сведений Плутарха значительно снижается, так как антиспартанская направленность труда Эфора несомненна. Однако в биографии Кимона (6, 3—5) Плутарх отмечает, что эпизод с убитой Павсанием Клеоникой передают многие историки. Следовательно, известную Плутарху традицию нельзя возводить только к тенденциозному труду Эфора. Литературную традицию о гибрисе Павсания нельзя объяснить также влиянием рассказа Фукидида, подвергнувшегося позднее анекдотической переработке и дополнению, как считают некоторые ученые. Гибрис Павсания отмечает и дофукидидовская литература в лице Геродота. Геродот (VIII, 3) указывает, что афиняне для захвата гегемонии на море использовали в качестве предлога именно гибрис Павсания. Геродот (IX, 82) является также наиболее ранним нашим источником, намекающим на стремление Павсания к персидской роскоши. Сведения Геродота заслуживают тем большего доверия, что он относится к Павсанию с особой симпатией⁹. Так, он отмечает благородное отношение Павсания к дочери друга (IX, 76), благочестивый поступок с телом убитого Мардония (IX, 79) и справедливость по отношению к детям изменника Атагина (IX, 88). Победу Павсания при Платеях Геродот (IX, 64, 1) называет «блистательнейшей из всех нам известных». Нужно отметить, правда, что все благоприятные для Павсания замечания относятся к деятельности регента в 479 г. до н. э., когда он еще не вступил в открытый конфликт с Афинами. Гибрис же регента Геродот подчеркивает в замечании, касающемся времени столкновения Павсания с интересами афинского полиса. Если встать на точку зрения Мейера¹⁰, Якоби¹¹ и других ученых, считавших Геродота защитником внешней политики Афин в период пентаконтатии, то можно было бы поставить под сомнение замечание Геродота о поведении Павсания после 479 г. до н. э. Однако в целом ряде новых исследований¹² было справедливо показано, что Геродот сам осуждал стремление Афин к гегемонии в Греции, рассматривая его как гибрис, принесшую неисчислимые бедствия всей Греции (Herod., VI, 98). Поэтому осуждение им Павсания нельзя приписать изменению политической ситуации, а следовательно, у нас нет оснований для сомнения в объективности замечания Геродота о гибрисе Павсания.

Таким образом, рассмотренные данные свидетельствуют о достоверности рассказа Фукидида о поведении спартанского регента Павсания¹³. К совершенно противоположному результату приводит анализ сведений Фукидида об изменческих связях Павсания с персами.

Фукидид (I, 128—129) сообщает, что в Византии греки захватили в плен много персов, в их числе были некоторые приближенные и родственники царя. Этих пленников Павсаний отпустил тайком к царю, сказав союзникам, что они бежали. Затем с помощью эретрийца Гонгила, которому Павсаний доверил Византий вместе с пленниками, он вступил в переговоры с персидским царем. Далее Фукидид приводит содержание его письма к Ксерксу, где Павсаний просил у царя руку его дочери и предлагал подчинить ему Спарту и остальную Элладу. В ответном письме Ксеркс обещал

⁸ B u s o l t, ук. соч., стр. 32. Впрочем, в указанной там же Бузольтом литературе, специально посвященной выяснению источников Плутарха в биографии Аристиды, господствовало мнение, что источником Плутарха в 23 главе был Феопомп. Если это так, то рассказ Плутарха заслуживает большего доверия, так как Феопомп был настроен к спартамцам весьма дружелюбно.

⁹ E. N. H i g e r s t e d t, The Legend of Sparta in Classical Antiquity, I, Stockholm, 1965, стр. 102 сл.; H. S t r a s s b u r g e r, Herodot und das perikleische Athen, в кн. «Herodot, eine Auswahl aus der neueren Forschung», herausg. von W. Marg, Münch., 1962, стр. 602.

¹⁰ E. M e y e r, Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 198.

¹¹ F. J a c o b y, Herodotos, RE, Supplbd. II, 1913, стб. 237 слл.

¹² F. F o c k e, Herodot als Historiker, Stuttg., 1927, стр. 31 слл.; R. W ü s t, Politische Denken bei Herodot, Inaug.-Diss., Würzburg, 1935, стр. 41 слл.; S t r a s s b u r g e r, ук. соч., стр. 578 слл. и др.

¹³ Достоверность этих сведений признает и Бенгстон (A. B e n g s t o n, Griechische Geschichte, Münch., 1960, стр. 184).

Павсанию всяческую поддержку его планов. Таково вкратце содержание рассказа Фукидида о связях Павсания с персами во время его первого пребывания в Византии.

Аутентичность приводимых Фукидидом писем до сих пор вызывает дискуссии. Защитники аутентичности этих писем исходят обычно из стилистических данных. Так, главным аргументом Вашингского¹⁴ было употребление Фукидидом при переходе к изложению их содержания наречия τὰδε. Это наречие, по мнению польского ученого, подчеркивает аутентичность приводимой переписки, в то время как выражение τούτῳ должно указывать на приблизительную передачу содержания. Однако, как показал Гомм¹⁵, это наречие в данном случае имеет другой смысл. Употребление τὰδε должно показывать, что Фукидид передает полный текст писем, а не сокращенное их изложение. Впрочем, нельзя не отметить, что ряд выражений в письме Ксеркса, указанных Вашингским, действительно находят параллели в других текстах. Это признает и Гомм. Так, например, оба указывают, ссылаясь на Геродота (V, 23, 2), что выражение μήτε νόξ μήθ' ἡμέρα является характерным восточным выражением. Выражениям же ὅδε λέγει βασιλεὺς Ξέρξης Πausανία и κείσεται σοι εὐεργεσία они находят параллели в письме Дария к Гадату¹⁶. Шефер¹⁷ в качестве решающего аргумента за аутентичность переписки выдвигает стилистическое сходство писем с приводимыми у Фукидида (VII, 17, 36, 57) договорами между Спартой и Персией.

Вряд ли нужно придавать столь большое значение стилистическим данным при решении вопроса об аутентичности таких важных документов, как письма, компрометирующие спартанского регента, и в то же время забывать о фактической стороне вопроса. Из текста Фукидида (I, 129, 1) известно, что письмо Павсания было получено Ксерксом. Трудно представить поэтому, каким образом могли узнать в Спарте полное содержание данного письма. Далее, из приводимого Фукидидом (I, 128, 7) письма регента видно, что Павсаний предлагал Ксерксу, чтобы тот выдал за него свою дочь. В ответном письме у Фукидида (I, 129, 3) Ксеркс соглашается на это предложение. Между тем по персидским обычаям дочь царя должна была выходить замуж за представителя персидской знати, и Павсаний не мог стать ее мужем¹⁸. Действительно, Геродот сообщает более правдоподобную версию, по которой Павсаний просил руку дочери сатрапа Мегабата. Но сам Геродот сомневается в достоверности даже этой версии¹⁹. Нужно отметить, что Фукидид ничего не знает также о конкретной помощи Павсанию со стороны персов, хотя в приводимом им письме (I, 129, 3) царь обещал спартанцу оказывать щедрую поддержку деньгами и войском. Все эти соображения если и не позволяют окончательно отвергнуть достоверность приводимых Фукидидом писем, то все же заслуживают большего внимания, чем приведенные выше аргументы сторонников аутентичности данной переписки²⁰. Пока же на основании текста Фукидида мы можем с уверенностью сказать лишь одно: приводимые Фукидидом письма не были известны в Спарте вплоть до смерти Павсания. Фукидид (I, 128, 6), описывая события 478/7 г. до н. э., сообщает, что содержание письма регента было открыто лишь позднее (ὕστερον). Что оба письма стали известны лишь после смерти регента, показывает и замечание Фукидида о том, что эфоры видели лишь последнее письмо Павсания, переданное им аргильцу (Thuc., I, 132, 5—133, 1). Таким образом, письма, приводимые

¹⁴ St. Waszynski, O autenticznosci korespondencyi Pausaniasa z Kserksesem, «Eos», 6, 1900, стр. 113—117.

¹⁵ A. W. Gomme, A Historical Commentary on Thucydides, I, Oxf., 1945, стр. 432.

¹⁶ См. M. Todd, A Selection of Greek Historical Inscriptions, I, Oxf., 1946, стр. 12, № 10. Впрочем, Белох (ук. соч., стр. 154 сл.) не без оснований считает эту надпись фальшивой.

¹⁷ H. Schaefer, Pausanias, RE, XVIII, 4, 1949, стб. 2577.

¹⁸ Beloch, ук. соч., стр. 156.

¹⁹ Herod., V, 32

²⁰ Достоверность переписки отрицают также Бенгстон (ук. соч., стр. 185, прим. 1) и Фонара, автор последней работы о Павсании (Ch. W. Fournara, Some Aspects of Career of Pausanias of Sparta, «Historia», XV, 1966, N № 3, стр. 261 сл.).

Гри

Фукидидом, не могли послужить причиной смертного приговора Павсанию. А это для нас важнее, чем решение вопроса об аутентичности самой переписки.

Что же касается рассказа Фукидида о том, что Павсаний отпустил персидских пленников, то вопрос о его достоверности снимается исходом первого процесса Павсания. Павсаний был оправдан от обвинений в связях с Персией. Следовательно, в Спарте не было никаких реальных данных о его измене. Однако некоторые современные ученые в обвинении Павсания в измене проявляют настойчивости больше, чем его враги. Так, Шефер²¹ считает, что уже факт связи Павсания с Гонгилом, перешедшим на сторону персов еще до 478 г. до н. э., свидетельствует о достоверности связей Павсания с персами.

Эретриец Гонгил, кроме Фукидида, упомянут только у Ксенофонта. В «Анабасисе» (VII, 8, 8—9) он сообщает, что «встретил дружеский прием у Эллады, супруги Гонгила Эретрийского, матери Горгиона и Гонгила». В «Греческой истории» (III, 1, 6) Ксенофонт указывает, что на сторону спартамца Фиброна «перешли также братья Горгион и Гонгил, владевшие: первый — Гамбрием и Палагамбрием, а второй — Мириной и Гринием. И эти города были царским даром Гонгилу за то, что он — единственный из эретрийцев — был изгнан за персофилие»²². На основании этих сведений, как мы видим, нельзя определить время перехода Гонгила на сторону персов. С другой стороны, довольно сомнительно, чтобы упоминаемый у Фукидида Гонгил был тождествен супругу Эллады, которая была в живых еще около 400 г. до н. э. Однако даже если эти лица тождественны, вряд ли можно предположить, что Павсаний мог передать Византий вместе с захваченными там пленниками в руки человека, объявленного греками изменником. Скорее всего, переход Гонгила на сторону персов произошел уже после гибели Павсания, когда начали преследовать его сторонников²³.

Но это еще не все обвинения Павсания в измене. Фукидид (I, 128, 3) указывает, что Павсаний вторично отправился в Византию для того, чтобы завести тайные сношения с персидским царем. Далее (I, 131, 1) он сообщает, что изгнанный из Византии регент поселился в троянских Колонах и продолжал поддерживать связь с персами. После этого спартамцы потребовали немедленного возвращения Павсания, заявив, что иначе они объявят ему войну. Насколько реальны эти обвинения, показал второй суд над Павсанием. Как указывает сам Фукидид (I, 132, 1), явных улик против Павсания не смогли предъявить даже его враги. Впрочем, Дункер²⁴ и в этом рассказе Фукидида нашел подтверждение измены Павсания. Он считает, что спартамцы не могли заявить об объявлении войны Павсанию, если бы тот «не был князем в Колонах, полученных²⁵ от царя».

Указание Фукидида об объявлении войны Павсанию нельзя понимать в прямом смысле. Выражение *πόλεμον προαγγελλεῖν* было в Спарте своего рода техническим термином для объявления человека вне закона²⁵. Это подтверждает указание Плутарха со ссылкой на Аристотеля, что «эфоры, принимая власть, первым делом объявляли войну плотам, дабы узаконить убийство последних» (Лус., 28, 6).

Заключительным звеном в цепи обвинений Павсания в сношениях с персами является передаваемый Фукидидом (I, 132, 5—I, 134) эпизод с аргильцем, показания которого явились якобы основой для смертного приговора регенту. Как мы уже отметили, достоверность этого эпизода отвергалась еще Белохом. Действительно, для этого имеются веские основания. Древние авторы, в том числе и Фукидид, передавая сведения, в достоверности которых они сомневаются, обычно употребляют выражения *λόγος* или *ὡς λέγεται*²⁶. Именно к разряду таких логосов и относится рассказ об

²¹ Schaefer, ук. соч., стб. 2569.

²² Ксенофонт, Греческая история, пер. С. Я. Лурье, Л., 1935.

²³ Beloch, ук. соч., стр. 156.

²⁴ H. D unker, Der Process des Pausanias, «Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss. zu Berlin», 43, 1883, стр. 1135 сл.

²⁵ Schaefer, ук. соч., стб. 2574.

²⁶ H. Landwehr, Der Prozess des Pausanias, «Philologus», 49, 1890, стр. 495 слл.

аргильце, что само по себе уже значительно снижает степень его достоверности²⁷. Изучение содержания данного рассказа Фукидида также дает достаточную почву для сомнений в его достоверности и проливает свет на происхождение сведений Фукидида. Рассказывая о последнем периоде жизни Павсания, он явно стремится выставить в благоприятном свете поведение эфоров. Эфоры до подозрительности недоверчивы к обвинениям Павсания в измене. Они не доверяют показаниям пилотов о вступлении Павсания в заговор с ними. Не убеждает их также показанное аргильцем письмом регента к Ксерксу. Лишь подслушав разговор Павсания с аргильцем, они убеждаются в измене регента. Что чрезмерная осторожность эфоров нуждается в объяснении, понимал уже сам Фукидид. Он (скорее его источник) объясняет ее господствующим у спартанцев правилом: «не спешить, без неопровержимых улик не принимать относительно спартанца какого-либо непоправимого решения»²⁸. Однако история внутривнутриполитической борьбы в Спарте показывает, что на практике это правило не применялось. Не является ли история с аргильцем выдумкой враждебных Павсанию эфоров, стремившихся оправдать свою роль в убийстве регента. В пользу этого говорит также ряд других деталей рассказа об аргильце. Прделав сложные приготовления с постройкой аргильцем на Тенаре хижины, разделенной перегородкой, эфоры тем не менее не арестовывают там Павсания. Распоряжение об аресте они отдают, лишь возвратившись в город, где у Павсания были сторонники и друзья. Несомненно арест Павсания было удобнее произвести вне города. Возникает вопрос, были ли вообще эфоры на Тенаре. Наконец, важно указание Фукидида, что в хижине были скрыты лишь некоторые из эфоров²⁹. Следовательно, ответственность за достоверность рассказа о встрече Павсания с аргильцем, явившейся решающим моментом в установлении виновности регента, лежит не на всех эфорах. По логике вещей следует, что инициатива в разоблачении Павсания принадлежала не тем эфорам, которые сочувствовали ему, а значит, первоначальный источник рассказа о встрече Павсания с аргильцем является далеко не надежным.

Все сказанное выше приводит к выводу, что история с аргильцем является недостоверной, а вместе с тем мы убеждаемся, что у спартанцев не было, по крайней мере вплоть до смерти Павсания, никаких конкретных данных об изменнических связях регента с персами. В этом убеждает нас лишний раз сочувствие к нему некоторых из эфоров. Фукидид (I, 134, 1) указывает, что один из них из расположения к Павсанию при аресте дал знать ему об опасности незаметным кивком головы.

Впоследствии дельфийский оракул признал убийство Павсания кощунством (Thuc., I, 134, 4). В конечном итоге спартанцы не так уж сильно прегрешили перед священными обычаями: ведь Павсаний умер уже после выхода из храма. Поэтому вряд ли Дельфы решились бы на этот шаг, если бы Павсаний был в их глазах изменником.

Таким образом, причину осуждения Павсания нужно искать не в его связях с персами, а в каких-то других обстоятельствах, что приводит нас к рассмотрению политических отношений в Спарте после Платейской битвы.

Фукидид отмечает, что Павсаний вступил в переговоры с персами, «стремясь к власти над Элладой»³⁰. Хотя это указание Фукидида сделано в связи с рассказом о сношениях Павсания с персами в 478 г. до н. э., признаваемым нами недостоверным, оно заслуживает большего внимания, чем обвинения регента в измене. Правда, не все привлекаемые для подтверждения этого современными учеными данные убедительны. В первую очередь это относится к эпизоду с надписью на дельфийском треножнике. Фукидид (I, 132, 2) сообщает, что после битвы при Платеях Павсаний приказал начертать на треножнике, посвященном в Дельфы, следующую надпись:

²⁷ Thuc., I, 132, 5: ὡς λέγεται . . . ἀνὴρ Ἀργίλιος μὴνοῦτος γίγνεται.

²⁸ Thuc., I, 132, 5. Из современных ученых этого мнения придерживался Ландвер (ук. соч., стр. 497 сл.).

²⁹ Thuc., I, 133.

³⁰ Thuc., I, 128, 3: ἐφιέμενος τῆς Ἑλληνικῆς ἀρχῆς.

Ἑλληνῶν ἀρχηγός ἐπεὶ στρατὸν ὤλεσε Μηδῶν, Πausanias φοῖβον μνημὲν ἀνέθηκε τῷδε.

В этой надписи внимание ученых привлекло обозначение Павсания как Ἑλληνῶν ἀρχηγός. По мнению Шефера³¹, слово ἀρχηγός близко по значению к специфически спартанскому термину ἀρχαγέτας, употребленному в ретре Ликурга для обозначения спартанских царей (Plut., Лус. 6, 2 и 4). На основании этого Шефер сделал вывод о притязании Павсания на власть над Грецией. Вряд ли можно согласиться с таким толкованием слова ἀρχηγός. Ссылка Шефера на ретру Ликурга малоубедительна. Термин ἀρχαγέτας для обозначения царя практически не употреблялся. Недаром Плутарх вынужден пояснить, что под «вождями» (ἀρχαγέται) подразумевались цари. По-видимому, слово ἀρχηγός [в упомянутой надписи обозначало просто командующего (вождя) эллинского войска, как считает Вольский³². Однако с его толкованием данного эпизода тоже нельзя согласиться. По его мнению, обозначение Павсания как вождя эллинов явилось выражением притязаний Спарты на панэллинскую гегемонию. Павсаний в данном случае представлял интересы всей Спарты. Когда же эти притязания закончились неудачей, эфоры, ловкие дипломаты, придумали версию, по которой вся вина за притязания на власть над Грецией падала на одного Павсания. Таким образом, Вольский фактически отдает известную дань толкованию выражения Ἑλληνῶν ἀρχηγός, предложенному Шефером, акцентируя внимание на слове «эллинов». В то же время, стремясь оправдать Павсания, он прибегает к необоснованным предположениям. С нашей точки зрения, в этом нет никакой необходимости.

Возникший в 481 г. до н. э. эллинский союз обычно обозначается в источниках как «эллины»³³. Если слово ἀρχηγός в надписи на треножнике является синонимом слова стратег, которое, кстати, не могло быть употреблено в двуступиши ввиду его метра, то Павсаний вполне мог называть себя Ἑλληνῶν ἀρχηγός, так как гегемония в эллинском союзе принадлежала Спарте. «Подозрения» спартанцев вызывало, конечно, не данное обозначение Павсания в посвящении, как думает Вольский, а сам тон надписи. Ведь в этой надписи Павсаний приписывал фактически себе одну победу над персами³⁴. Таким образом, на основании данного выражения мы не можем делать никаких далеко идущих выводов о претензиях Спарты или самого Павсания. Однако содержание надписи на треножнике является явным подтверждением указаний Геродота и Фукидида о гибрис Павсания.

Более убедительным является использование Шефером для доказательства стремления Павсания к власти над Грецией другого посвящения спартанского регента. После побед на Кипре и взятия Византия Павсаний поставил на берегу Понта бронзовый кратер. В надписи, начертанной на этом сосуде, Павсаний как сообщает Нимфей, назвал себя ἄρχων Ἑλλάδος εὐρυχόρου³⁵. Сомневаться в достоверности сообщения Нимфея не приходится: кратер, посвященный Павсанием, видел Геродот (IV, 81, 3). Титулатура Павсания в данном посвящении несомненно говорит об его далеко идущих притязаниях. В этих намерениях спартанца, очевидно не сомневался и Геродот³⁶, так как выражение εἰ δὲ ἀληθὴς γέ ἐστι ὁ λόγος в указанном отступлении Геродота о Павсании скорее всего относится к слухам о намерении регента жениться на дочери Мегабата³⁷. Конечно, сам по себе факт обозначения Павсания властителем Эллады мог бы также расцениваться не более, чем проявление гибрис регента, если бы его притязания не переходили в реальные политические действия. Но источники показывают, что в 479—477 гг. до н. э. Спарта действительно проводит активную внешнюю политику. После Платейской битвы она предпринимает попытку ослабить Афины, потребо-

³¹ Schaefer, ук. соч., стб. 2566.

³² Wolski, ук. соч., стр. 82.

³³ Herod., VII, 145, 1; 172, 2; 175, 1 и т. д.; Thuc., 1, 18, 2; 132, 2.

³⁴ См. Dem., LIX, 97: «...он представил победу над персами и приношение бо-

гам как свое собственное дело, а не дело всех союзников».

³⁵ FHG, III, 15, fr. 15 = Athen., XII, 536 A.

³⁶ Herod., V, 32.

³⁷ Busolt, ук. соч., стр. 66, прим. 2.

вав от них отказаться от строительства стен (Thuc., I, 90—92). Осенью 479 г. до н. э. отправляется в поход в Фессалию спартанский царь Леотихид³⁸. Немного спустя Спарта пытается усилить свое влияние в Дельфийской амфикионии путем удаления из нее городов и племен, перешедших на сторону персов³⁹. К 478 г. до н. э. относятся успешные действия Павсания на Кипре и взятие Византии. Активное участие спартацев в морской экспедиции 478 г. до н. э. Шефер⁴⁰ приписывает инициативе Павсания. По-видимому, это соответствует истине, если учесть определенную пассивность спартанского флота в кампании предыдущего года. Во время стоянки флота в Византии Павсаний, как сообщает Фукидид (I, 130, 1), совершил какое-то путешествие через Фракию. Нужно думать, что оно было произведено не в экскурсионных целях. Последним актом в цепи этих событий является укрепление Павсания в 477 г. до н. э. в Византии, являвшемся ключом к черноморским проливам⁴¹. Все эти события показывают, что в данный период внешняя политика Спарты, возглавляемой Павсанием и Леотихидом, была действительно направлена на достижение ею главенствующего положения в Греции⁴².

Активная внешняя политика Спарты находилась в несоответствии с ее организацией и экономическим развитием⁴³. Морские экспедиции приводили к большим денежным затратам, а это требовало перестройки сложившегося экономического уклада спартанского государства. Кроме того, дальние походы вызывали подрыв дисциплины внутри спартанского общества, приводили к нарушению знаменитой спартанской *ἀσπληγία*. Консервативная часть спартанского общества несомненно видела в этом серьезную угрозу основам сложившихся порядков. Что это было так, показывает рассказ Фукидида о переходе к Афинам гегемонии в эллинском союзе. По его сообщению, одной из причин отказа Спарты от гегемонии на море была боязнь «развращения командиров» (Thuc., I, 95, 7).

Указанные причины должны были привести к конфликту между сторонниками активной внешней политики и защитниками «конституции Ликурга». Обострению внутриполитических отношений содействовало, конечно, и то, что военные успехи способствовали усилению власти царей, которым принадлежало командование на войне. Что в Спарте боялись усиления власти военачальников, показывает уже тот факт, что после отъезда Павсания спартанские власти не осмелились поручить командование флотом одному наварху. Как сообщает Фукидид, спартацы послали Доркида и еще нескольких лиц⁴⁴.

³⁸ Датировка похода Леотихида в Фессалию вызывает больше разногласия среди ученых. Валькер (ук. соч., стр. 466) датирует его 479/8 годом до н. э., Фласельер (ук. соч., стр. 19) относит выступление Леотихида к началу 477 г. до н. э., Бенгстон (B e n g s t o n, ук. соч., стр. 173) датирует этот поход 477/6 годом до н. э. Мы принимаем дату Валькера.

³⁹ P l u t., Them. 20. См. H. B e n g s t o n, Themistokles und die delphische Amphiktyonie, «Eranos», 49, 1951, стр. 88 сл.; R. F l a s e l i è r e, Sur quelques points obscures de la vie de Themistocle, REA, 55, 1953, стр. 19—28; G. Z e i l h o f e r, Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5. Jahrhundert, Diss., Erlangen, 1959, стр. 41.

⁴⁰ S c h a e f e r, ук. соч., стр. 2567.

⁴¹ О стратегическом и экономическом значении Византии см. В. П. Н е в с к а я, Византий в классическую и эллинистическую эпоху, М., 1953, стр. 65 сл. Павсаний несомненно придавал Византию важное значение в укреплении позиций Спарты, об этом свидетельствуют большие восстановительные работы, произведенные там под его руководством. Позднее он даже почитался в Византии как герой-кτισст (см. C. F. L e h m a n n - H a u p t, Pausanias, Heros ktistes von Byzanz, «Klio», 17, 1921, стр. 59 сл.).

⁴² Неособованно считает царя Леотихида игрушкой в руках эфоров Дайкинз (G. D i k i n s, The Growth of Spartan Policy, JHS, 32, 1912, стр. 33). Против этого говорит трагическая кончина Леотихида, а также то, что он был ставленником царя Клеомена, упорно борového за ослабление власти эфоров.

⁴³ В u s o l t, ук. соч., стр. 71 сл.; В. G. G r u n d y, The Population and Policy of Sparta, JHS, 28, 1908, стр. 82 сл.; H. S t u b b s, Sparta Austerity, «Classical Quarterly», 44, 1950, стр. 36.

⁴⁴ T h u c., I, 95, 6.

О внутривполитической борьбе в Спарте в данный период сохранилось очень мало сведений. Так, Фукидид (I, 132, 1) указывает, что у Павсания были враги, но, к сожалению, он не уточняет, на какой почве возникли их враждебные отношения к регенту. Правда, Фукидид (I, 132, 3) сообщает еще, что надпись на треножнике, посвященном в Дельфы, была уничтожена самими спартанцами, а это должно было предполагать наличие в Спарте сильной оппозиции Павсанию. Однако, скорее всего, надпись на треножнике была уничтожена по требованию союзников Спарты и в первую очередь — по требованию Афин. Действительно, в уже упомянутой речи, приписываемой Демосфену, сообщается, что «эллыны были разгневаны, и платейцы возбудили жалобу против лакедемонян перед амфикионией за то, что Павсаний представил победу при Платеях и священное приношение как свое дело, а не всех союзников» (Dem., LIX, 97—98). Сомневаться в достоверности этого сообщения не приходится. Как правильно отметил Цейльхофер⁴⁵, оно хорошо соответствует истинному положению дел. Кроме того, достоверность данного сообщения подтверждается тем, что его автор был неплохо осведомлен об этих событиях, так как он называет обвинителя Павсания — платейцев. Тому, что обвинителем выступили платейцы, не приходится удивляться, именно им была поручена забота о могилах греков, павших в Платейской битве, и совершение в память о них ежегодных жертвоприношений⁴⁶, поэтому их выступление против забвения заслуг павших героев было естественно. Конечно, маленькие Платеи не осмелились бы выступить против Павсания, если бы их не поддержали другие члены эллинского союза, что видно из сообщения нашего автора (... ὀργισθέντων δὲ τῶν Ἑλλήνων...). В первую очередь, нужно думать, за спиной платейцев стоял их патрон — Афины, уже давно выступавшие соперником Спарты в борьбе за гегемонию в эллинском союзе. Вероятно, по их инициативе и было уничтожено двуступище, выгравированное по приказанию Павсания⁴⁷.

Таким образом, фактически у нас нет прямых данных о внутривполитической борьбе в Спарте вплоть до 477 г. до н. э., и мы лишь можем в какой-то степени догадываться о происходивших там событиях. По-видимому, внутривполитическая борьба в Спарте достигла наибольшего ожесточения в 478/7 г. до н. э., когда Павсаний стал явно претендовать на усиление своей власти. В достижении своих планов Павсанию пришлось бороться как с внутренними, так и с внешними противниками. Неудачи в столкновениях с Афинами в 479—478 гг. до н. э. ослабили позиции сторонников активной внешней политики. Первым крупным успехом внутренних противников Павсания было отстранение его от командования флотом, предложением чему послужило грубое обращение Павсания с союзниками. Решающий удар по сторонникам активной внешней политики наносит переход гегемонии в эллинском союзе в руки Афин. О происходивших после этого в Спарте политических дебатах сообщает Диодор (XI, 50)⁴⁸. Диодор правильно отмечает, что борьба шла между двумя группировками, резко различающимися взглядами на внешнюю политику. Основными защитниками активной внешней политики в рассказе Диодора выступают «младшие» (οἱ νεώτεροι). «Младшие» требовали немедленного наказания отпавших союзников и вступления в войну с Афинами. Они указывали, что, вернув гегемонию на море, «приобретут много денег и вообще сделают Спарту более значительной и могущественной, дома же частных лиц достигнут большого процветания». Противников борьбы за гегемонию на море в рассказе Диодора представляет член герусии Гетоймарид, «ведший свой род от Геракла и пользовавшийся похвалой граждан за свою арету», и он один выступает против сторонников борьбы за гегемонию на море. Однако у греческих авторов это обычный прием для заострения ситуации. Волнующейся массе они противопоставляют одного человека, которому все же удается взять верх над общим мнением. Несомненно, Гетоймарид защищал политику определенных спартанских кругов, и за ним стояла

⁴⁵ Zeilhofer, ук. соч., стр. 39 сл.

⁴⁶ Thuc., III, 58, 4; Isocr., XIV, 61; Plut., Arist. 21.

⁴⁷ Wolski, ук. соч., стр. 82.

⁴⁸ Вопрос о достоверности данного рассказа Диодора рассмотрен в приложении.

спартанская знать и все сторонники «порядков Ликурга». После бурных споров, что говорит о наличии многочисленных сторонников Павсания, Гетоймариду все же удалось убедить граждан в «ненужности для Спарты гегемонии на море». Аргументация победителя у Диодора не дана. Но это ощущение не является для нас большой утратой, так как мы хорошо знаем политику данной части спартанского общества.

Таким образом, в первой половине 477 г. до н. э. сторонники активной внешней политики в Спарте потерпели решительное поражение⁴⁹. Павсанию, правда, после этого снова удается укреститься в Византии. Фукидид (I, 128, 3) сообщает, что регент отправился в Византий как частное лицо, без разрешения государства, Гомм⁵⁰, однако, считает, что поездка Павсания была официальным поручением, что тщательно скрывалось. Действительно, из рассказа Фукидида (I, 131, 1) известно, что, когда Павсаний находился в троянских Колонах, к нему прибыл из Спарты глашатай со скиталой, передававшей требование эфоров о возвращении в Спарту. Как известно, скитала представляла собой шифрованную депешу спартанских властей. Она состояла из двух палочек, из которых одна оставалась у эфоров, а другая давалась лицам, посылаемым из Спарты с поручением (Plut., Lys. 19). Из этого, как кажется, следует, что Павсаний отправился в Византий по официальному поручению. Если это так, то отправка Павсания в Византий была последним успехом сторонников активной внешней политики. Но Спарта уже в это время отказывается от открытой поддержки политики регента. После изгнания его афинянами из Византия Спарта не предпринимает больше никаких попыток воспрепятствовать усилению Афин⁵¹. Противники Павсания одержали полную победу; возвратившись из Колон в Спарту, регент был обречен играть второстепенную роль. А позднее противники окончательно расправляются с ним. Что послужило последним толчком к осуждению Павсания, мы не знаем. Возможно, обреченный на бездействие Павсаний предпринял отчаянную попытку захватить единоличную власть в государстве, как указывает Аристотель⁵². Может быть, причиной осуждения регента явились его тайные сношения с плотами, о которых сообщает Фукидид (I, 132, 4)⁵³. Отметим, что эти поступки вполне совместимы. Во всяком случае, предполагаемые нами причины гибели Павсания более вероятны, чем весьма сомнительный эпизод с аргильцем.

В заключение отметим, что внутривнутриполитическую борьбу в Спарте обычно представляют как борьбу между царями (в данном случае регентом Павсанием) и эфорами⁵⁴. С нашей точки зрения, это определение не совсем точно. Поскольку эфорат был ежегодно переизбираемой коллегией, доступ в которую был открыт всем спартиатам определенного возраста, то в нее могли быть избраны и сторонники Павсания. По-видимому, когда его влияние в Спарте было сильным, так оно и было. Во всяком случае

⁴⁹ Диодор дает этот рассказ под 475/4 г. до н. э. Но, несомненно, вопрос о войне с Афинами дебатировался сразу же после возвращения Доркида. См. W. K o l b e, *Diodoros Wert für die Geschichte der Pentakontaetie*, «Hermes», 72, 1937, стр. 245

⁵⁰ G o m m e, ук. соч., стр. 433.

⁵¹ В настоящее время датой изгнаний Павсания общепризнано считается 476 год, до н. э. (см. B e n g s t o n, ук. соч., стр. 187). Попытка Фонара (ук. соч., стр. 267 сл.) вернуться к прежней датировке изгнания Павсания 472/1 г. до н. э. нам представляется неудачной.

⁵² Аристотель, описывая в «Политике» (V, 6, 2) причины внутривнутриполитических волнений в государствах аристократического типа, сообщает: «Наконец, если кто-либо, занимая очень важное положение в государстве и имея все данные к тому, чтобы стать еще выше, поднимает возмущение, чтобы стать единодержавным; в таком, по-видимому, положении оказались Павсаний в Лакедемонии, бывший главнокомандующим во время Персидских войн, и Ганнон в Карфагене». Другие указания Аристотеля в «Политике» (V, 1, 5; VII, 13, 13) относятся, по-видимому, к царю Павсанию, правившему позднее. Аристотель цитируется по переводу С. А. Жебелева — «Политика» Аристотеля, СПб., 1911.

⁵³ В последнее время эту идею усиленно защищают Бан и Вольский (А. R. B u r n, Pausanias, «Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt», I, В., 1964, стр. 185 сл.; J. W o l s k i, Atheny i Sparta w okresie wojen Perskich, «Meander», XVIII, 1963, № 5, стр. 198 и др.).

⁵⁴ B e n g s t o n, ук. соч., стр. 156 сл.; G r u n d y, ук. соч., стр. 82 сл. и др.

даже в год гибели Павсания среди эфоров были лица, расположенные к нему. Внутриполитическая борьба в Спарте несомненно велась между сторонниками активной внешней политики и усиления царской власти, с одной стороны, и защитниками консервативных порядков, с другой. Основными противниками Павсания были, очевидно, представители старой спартанской аристократии типа изображенного у Диодора Гетоймариды. Хотя, конечно, противники Павсания в этой борьбе опирались на эфорат — институт, призванный ограничить власть царей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ДОСТОВЕРНОСТИ РАССКАЗА ДИОДОРА (XI, 5⁰)

Основные аргументы против достоверности данного рассказа Диодора были выдвинуты еще в работах Бузольта и Мейера⁵⁵. Отрицая его достоверность, Бузольт⁵⁶ исходил главным образом из приводимого «младшим» оракула о «хромой гегемонии». По его мнению, в описание событий 477 г. до н. э. Эфор перенес оракул о *χολή βασιλεία*, данный шифрей позднее, во время соперничества за власть между Леотихидом и Агесилаем в начале IV в. до н. э. Исходя из этого, Бузольт признавал весь рассказ о дебатах в Спарте плодом фантазии Эфора.

Мейер⁵⁷, в свою очередь, считал, что оракул о «хромой гегемонии» Эфор сочинил на основе высказывания Кимона. Как сообщает Ион⁵⁸, Кимон, побуждая афинян выступить на помощь Спарте в борьбе с плотами, предостерегал их, чтобы Эллада не стала хромой и афинское государство не осталось в упряжке одно, без своего напарника (... μήτε τήν Ἑλλάδα χολήν μήτε τήν πόλιν ἑτερόζυγα ... γεγενημένην). Еще более важное основание для отрицания достоверности рассказа Эфора Мейер видел в том, что этот рассказ якобы противоречит показаниям Фукидида (I, 95, 7) о дружественных отношениях Афин и Спарты в данный период. По мнению Мейера, Эфор перенес на 477 г. до н. э. более поздние представления о враждебных отношениях этих полисов. Второй аргумент Мейера связан с общей оценкой политической ситуации в обоих указанных полисах; ввиду его сложности он рассмотрен нами в отдельной статье⁵⁹. В данной статье мы ограничимся лишь рассмотрением вопроса о достоверности приводимого Эфором оракула.

Описывая дебаты, происходившие в Спарте после потери ею гегемонии на море, Эфор сообщает, что сторонники войны с Афинами приводили в пользу своего предложения различные аргументы. Среди них было указание на «старинное прорицание, в котором божество приказывало им смотреть, чтобы они не имели хромой гегемонии». Достоверность этого сообщения Эфора действительно может вызвать сомнения. Мы видим, что сторонники войны с Афинами ссылаются на старинный оракул. Между тем описываемые события относятся к 477 г. до н. э., а эллинский союз, в котором Спарта имела двойную гегемонию (на море и на суше), возник лишь осенью 481 г. до н. э.⁶⁰. Поэтому, если даже прорицание было дано вскоре после образования эллинского союза, его отнюдь нельзя назвать старинным.

⁵⁵ Источником Диодора в описании данных событий является, по мнению этих ученых, Эфор. Данная точка зрения полностью разделяется нами, и в дальнейшем изложении мы будем говорить об этом рассказе как принадлежащем Эфору.

⁵⁶ Busolt, ук. соч., стр. 71, прим. 2.

⁵⁷ Meyer, ук. соч., стр. 518.

⁵⁸ FGH, 392, fr. 14 = Plut., Cim. 16, 10.

⁵⁹ См. «Фукидид (I,95) и образование афинского морского союза», «Краткие сообщ. Одесск. гос. археол. музея» (в печати). Впрочем, уже рассмотренные в данной статье факты показывают, что оба полиса были упорными соперниками в борьбе за гегемонию в Греции.

⁶⁰ Об эллинском союзе см. P. A. Bunt, The Hellenic League against Persia, «Historia», II, 1953, № 2, стр. 135—163.

Однако из рассказа Эфора видно, что оракул был дан не специально по поводу гегемонии Спарты в эллинском союзе. Приводя прорицание, сторонники войны с Афинами указывали, что «оракул говорит ни о чем другом, как о теперь случившемся: ибо они будут иметь хромую власть, если из двух гегемоний одной лишатся». Из цитируемого текста следует, что «младшие» использовали в своих целях какой-то оракул, говорящий об «охроении власти» в Спарте, дав ему свое толкование. И здесь мы подходим к вопросу о происхождении данного оракула.

Ксенофонт (Hell. III, 3, 3) сообщает, что во время соперничества за обладание царской властью между Леотихидом и Агесилаем неким Диопейтом против избрания царем хромого Агесилая был приведен оракул, который требовал от Спарты «остерегаться хромого царствования» (φουλάξασθαι τὴν χολήν βασιλείαν). Выражение Ксенофонта «что имелось и предсказание от Аполлона» (ὡς καὶ Ἀπόλλωνος χρησμὸς εἶη) исключает, что оракул был дан применительно к данным событиям в Спарте⁶¹. Из этой фразы следует, что Диопейт ссылался на какой-то старый оракул. Плутарх (Ages. 3, 4) сообщает, что Диопейт «знал много старинных прорицаний и считался сведущим в божественных делах». Поэтому нет ничего удивительного, что Диопейт нашел среди многих известных ему прорицаний такое, которое можно было использовать против Агесилая. Из текста Ксенофонта видно, что этот оракул был известен также Лисандру. Лисандр не отрицает его достоверность. Он лишь выступает со своим толкованием прорицания пифии. По его мнению, пифия имела в виду не физическую хромоту царя, а то, что на престол не должен быть допущен человек, не принадлежащий к потомству Геракла.

Рассмотрение источников показывает, что в начале IV в. до н. э. в Спарте знали подлинный старый оракул о χολή βασιλεία. Правда, может возникнуть вопрос, зачем прибегал Леотихид для толкования подлинного оракула к авторитету Диопейта. Это объясняется тем, что оракул имел смысл предостережения Спарты от ослабления царской власти, Леотихиду же нужно было истолковать его так, что он якобы указывал на физический недостаток Агесилая. Следовательно, Диопейт не является изобретателем этого оракула, он лишь дал ему ложное толкование. В историчности данного прорицания пифии не приходится сомневаться тем более, что дельфийский оракул часто поддерживал спартанских царей⁶².

Теперь нам нужно выяснить, когда могло быть дано рассматриваемое прорицание. По-видимому, это произошло где-то в середине VI в. до н. э., в период ожесточенной борьбы между царями и спартанской аристократией, закончившейся значительным усилением прав эфоров и уменьшением власти царей⁶³. Скорее всего, в этой ситуации дельфийский оракул и выступил с предостережением спартанцев об ограничении царской власти. Этот оракул VI в. до н. э. о χολή βασιλεία, истолковывая его в смысле охроения власти Спарты в Греции, очевидно, и использовали в политических спорах в 477 г. до н. э. сторонники войны с Афинами. Таким образом, приводимый у Эфора (Диодора) оракул не может служить основанием для признания всего рассказа о политической борьбе в Спарте измышлением Эфора.

В заключение остановимся на разборе некоторых дополнительных доводов против достоверности рассказа Эфора, приведенных в работе Бабэ⁶⁴. Бабэ указывает, что, хотя в Спарте и существовала антиафинская партия, Эфор явно преувеличивает, считая, что спартанцы думали о войне с Афинами за гегемонию на море, так как они не имели для этого достаточного флота. Кроме того, сообщению Эфора о враждебных отношениях Афин и Спарты, по его мнению, противоречит последующее указание в тексте Диодора (XI, 64, 3) о том, что вражда этих государств началась из-за отсылки афинского войска из-под Итомы.

⁶¹ См. Zeilhofer, ук. соч., стр. 50 слл.

⁶² Zeilhofer, ук. соч., стр. 52 сл.

⁶³ Dikins, ук. соч., стр. 26; G. L. Huxley, Early Sparta, L., 1962, стр. 71.

⁶⁴ G. L. Barber, The Historian Ephorus, Cambr., 1935, стр. 59.

Вряд ли нужно придавать какое-либо значение первому замечанию английского ученого, так как спартанцы не пошли тогда дальше дебатов в собрании. С другой стороны, отметим, что отсутствие достаточного флота не помешало Спарте в течение того же столетия несколько раз выступать против Афин. Указанное же Бабэ противоречие рассказа Эфора с последующим текстом Диодора объясняется тем, что в 64 главе Диодор в качестве основного источника использует уже Фукидида⁶⁵. При неумелом контаминировании Диодором разных источников у него встречаются более серьезные противоречия даже в пределах одной главы⁶⁶.

А. Е. Паршиков

PAUSANIAS AND THE POLITICAL STRUGGLE IN SPARTA

by A. Ye. Parshikov

What the ancient authors say about the haughty behaviour of the Spartan regent Pausanias deserves credence. His brusque treatment of the allies evidently had a good deal to do with their transferring their support to Athens in the struggle of 478/7 B. C. for hegemony in the Greek league. The information given in the sources about Pausanias's ambition to gain mastery over Greece should also be accepted as authentic. Pausanias headed a group which worked to broaden the scope of Sparta's foreign policy and strengthen her position in Greece. In putting forward this program Pausanias came into conflict with an aristocratic group which feared consolidation of the royal power and the internal social changes which were bound to result from an active foreign policy. Pausanias's struggle with the aristocratic group, which based itself on the ephorate, ended with his downfall. In order to justify the murder of Pausanias, the ephors invented the tale about his treacherous dealings with the Persians.

⁶⁵ Th u c., I, 102, 3: «Этот поход впервые повлек к открытой вражде между лакедемонянами и афинянами».

⁶⁶ См. A. S c h e r r, Diodoros XI Buch Kompositionen und Quellenstudien, Diss., Tübingen, 1933, стр. 19 слл.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АНТИЧНОМ СВЯТИЛИЩЕ В ГОРГИППИИ

Медленно и трудно раскрываются в Анапе тайны древней Горгиппии. Трудно потому, что современный город полностью закрывает город античный и, случается, самые ничтожные земляные работы приводят к неожиданным открытиям: посадка деревьев в Греческом переулке дала нам знаменитую статую Неокла, рытье ямы во дворе горисполкома положило начало исследованиям гончарных мастерских и городского квартала, обвал берега обнажил винодельню, а реконструкция рыночной площади обнаружила античный некрополь. Открытие последнего определило границы античного города в этом районе, поставив под сомнение наличие построек за ним. И вновь случайные земляные работы на этом участке привели к неожиданным интересным открытиям, пролившим свет на один из религиозных культов, существовавших в Горгиппии.

В 1965 г., во время прокладки траншеи на ул. Протапова вблизи ее пересечения с ул. Ленина, было найдено скопление большого количества терракотовых протом и чернолаковых сосудов.

В эпоху классики и эллинизма, вплоть до первых веков н. э. эта территория была свободна от некрополя и находилась за его пределами. В IV—III вв. до н. э. здесь был сброс различных предметов, связанных с областью культа. Траншея и раскопки за-

хватили только край этого выброса, уходящего в нераскопанную часть сквера и улицы Ленина. Исследована узкая полоска сброса площадью $1,5 \times 2$ м, мощностью около метра, лежащего на глубине 1,25—2,20 м от современной поверхности.

На этой площади было найдено 100 обломков протом, представляющих женские божества, по-видимому, Деметру и Кору, обломки такого же количества чернолаковых канфаров и других чернолаковых импортных сосудов и однотипных красноглиняных сосудов горгишского производства. Преобладают чернолаковые канфары с двумя вертикальными ручками с шипами IV в. до н. э.¹ (рис. 1), на некоторых их ножках с оборотной стороны имеются граффити: ΔΙ — Δι: — Зевсу, Δ, Α, Μ, лигатура

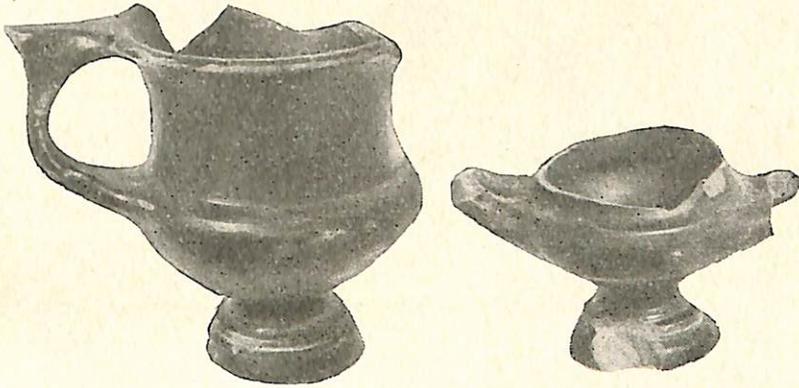

Рис. 1. Чернолаковые канфары

и др. Кроме канфаров, найдены чернолаковые килики на низкой ножке, солонки и тарелки со штампованным орнаментом. Некоторые сосуды расписаны по лаку жидкой глиной, так на донце одного килика жидкой глиной изображена женская голова в профиль, окруженная орнаментом из плюща (рис. 2).

Среди местной красноглиняной керамики преобладают однотипные целые вотивные сосуды — небольшие одноручные горшочки с округлым туловом, плоскодонные мисочки, рюмкообразные чашечки на высокой ножке, одноручные кувшинчики (рис. 3), обломки блюд для рыбы и кастрюль.

В верхнем горизонте выброса найдено несколько бронзовых монет начала и середины III в. до н. э.²

Характер сброса находит наибольшие аналогии в мирмекийских зольниках, эсхарах³, где, правда, в значительно большем количестве, но тот же подбор предметов, определяющий его культовый характер. Среди терракот значительное количество падает на долю женских изображений — полуфигур Деметры.

Кульст женского божества плодородия и земледелия был широко распространен в земледельческих странах, в частности в Греции; как мы знаем из Павсания, культ Деметры особенно большое распространение получил в Аркадии⁴. Естественно, что и в земледельческих странах Северного Причерноморья эта богиня также почиталась повсеместно с момента поселения здесь греков, и очень рано уже из местных глин, часто по привезенным формам, стали изготавливать ее протомы. Раскопками засвидетельствовано изготовление протом Деметры или Кору с середины VI в. до н. э. в Пан-

¹ В. Д. Блаватский, История античной расписной керамики, М., 1953, табл. VII, № 87; D. V. Thomson, Three centuries of helenistic terracottas («Hesperia»), XXIII, 1954, № 1, табл. 20b; 24a.

² А. Н. Зограф, Античные монеты, М.—Л., 1951, XLI, 3, 5, 9.

³ В. Ф. Гаидукевич, Мирмекийские зольники-эсхары, КСИИ, вып. 103, 1965, стр. 28 сл.

⁴ Павсаний, Описание Эллады, кн. VIII, 25, 2.